

Говоря о процессах социального метаболизма, необходимо остановиться еще и на таком вопросе, как отношения, складывающиеся между системами в процессе обмена. Исходя из того, что изначальные процессы обмена в архаических обществах проходили с равноценной отдачей, можно говорить о формировании между системами в процессе метаболизма отношений координации, когда одна система отдавала на обмен и получала взамен равноценный объект. С развитием социальных систем отношения в процессе обмена между системами начинают изменяться: системы в процессе обмена могли объединяться для получения от третьей системы необходимого объекта, что привело к формированию отношений кооперации. Кроме того, каждая система в процессе обмена хочет получить больше, нежели собирается отдать – в результате одна из систем получает больше выгоды при обмене, так как по факту отдала то же самое, как и другая система (или даже меньше нее), но получила больше, нежели второй участник обмена – формируются отношения конкуренции, в условиях которых каждая из систем пытается получить преимущества при обмене. Однако «более сильная» система в процессе метаболизма может постоянно получать выгоду и преимущества, что в конце концов приведет ее к получению доминирующего положения при обмене и сформирует в таком случае отношения субординации.

Следует отметить, что социальный метаболизм – это совокупность обменных процессов между социальными системами различного уровня и с окружающей средой на основе энергетических, вещественных (материальных) и информационных воздействий, представленная в социальной системе четырьмя основными потоками: обменом природными богатствами, территориями, сферами жизненного пространства, человеческими ресурсами

(ресурсная сфера); обменом товарами, капиталом (экономическая сфера); обменом идеями, информацией, ценностями (информационно-культурная сфера); обменом властью (политическая сфера).

Таким образом, в основе социального метаболизма лежат процессы обмена как акта дарения-обязательства: 1) бескорыстного, практически всегда добровольного дара и 2) акта, в основе которого лежит экономический интерес и в процессе которого берется плата или деньги. В процессе социального метаболизма между обменивающимися системами могут сложиться отношения координации, кооперации, конкуренции или субординации в зависимости от возможностей и готовности систем к обмену.

Однако не исследованными до конца остаются вопросы взаимосвязи и взаимопонимания категорий «внутрисистемный обмен» и «межсистемный обмен» (социальный метаболизм), их роль в развитии социальных систем и т. д., что дает перспективы на будущие исследования.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Аугустинавичюте, А. Дуальная природа человека / А. Аугустинавичюте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lyubi.ru/socion1.php>.
2. Мосс, М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах / М. Мосс // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / пер. с фр.; послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. – М.: «Восточная литература», РАН, 1996. – С. 83–222.
3. Обмен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Обмен\\_\(значения\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Обмен_(значения)).
4. Особенности системного исследования социальных реалий // Социальная работа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soc-work.ru/article/753>.

#### SUMMARY

The article deals with the notion of social metabolism in historical retrospective. The components of social metabolism and the notion of exchange in particular are analyzed. The author outlines the tendencies of social metabolism in the development of society.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

УДК 316.4.06

**А.А. Кравченко,**  
кандидат исторических наук, доцент кафедры управления,  
информационно-аналитической деятельности и евроинтеграции  
Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова

## ТРАНСФОРМАЦИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» ОТ КОЛЛЕКТИВНОЙ К ИНДИВИДУАЛЬНОЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Социализация индивидов происходит не просто как процесс механического наложения на человека внешних по отношению к нему норм и способов существования,

но и обязательно предполагает активное, творческое вхождение в пространство социальных связей. Однако нормы и правила складываются исторически и меняются под влиянием тех или

иных событий. Каждая историческая ситуация многовариантна и содержит в себе различные возможности своего развития. Сомнительными являются попытки определения истории как рока, который предопределяет судьбу индивидуума. Историческое развитие формирует определенные типы общественных отношений и соответствующие регулятивы человеческого поведения. Индивид вправе делать свой выбор в многогранном потоке событий и находить свой путь к истине, справедливости и прогрессу. Именно поэтому история выводит проблему социальной ответственности человека за свой выбор на уровень важнейших вопросов бытия.

Вопросы ответственности в философско-образовательном, морально-этическом, социально-философском аспектах рассматриваются в трудах отечественных и зарубежных ученых (Х. Арендт, К.-О. Апея, В. Беха, М. Вебера, М. Вульфа, Г. Йонаса, Е. Соловьева, Ф. Тенниса и др.).

Несмотря на многочисленные исследования этоса социальной ответственности, в философской литературе не сложился целостный подход к определению сущности социальных связей между людьми, которые формируют ее императив.

Определенный характер каждой исторической эпохи задает соответствующие параметры ответственности личности. Поэтому возникает необходимость выявить основные элементы формирования социальной ответственности в контекстах общественного развития.

Рассматривая вопрос в рамках теории «социального организма», можно утверждать, что личность «встречается» с предопределенной линией поведения «потребность–действие», которая разворачивается как общественная практика. В то же время момент самодетерминации человека, а значит и момент, который содержит возможность ответственности, расположенный в пределах линии «ценность–смысл» [1, с. 64–72]. На этом этапе внешняя детерминация трансформируется в самодетерминацию. В этом контексте важно мнение П. Козловски, согласно которому плановая и связанная с чувством ответственности «встреча» с миром и другими людьми происходит в пределах трудовой практики [8, с. 136–137].

Необходимо учитывать, что личность не является статичной структурой, а представляет собой процесс, действие, поступок. Это и является условием раскрытия полноты и целостности связей, отношений социального организма и ценности личности. Социальная ответственность оказывается важной предпосылкой человеческих отношений и различных форм совместной деятельности на всех этапах исторического развития.

Отметим, что от первобытного общества к современному информационному миру человек вступает в разнообразные взаимосвязи для совместной деятельности, направленной на удовлетворение индивидуальных и социальных потребностей.

В различные исторические эпохи человеческие сообщества ограничивались небольшим количеством людей. Поэтому ответственность определялась этим кругом сородичей и соседей, с которыми можно встречаться непосредственно. Феномен «социальная ответственность» выступает основной детерминантой социального взаимодействия между людьми. Динамика взаимодействия отдельного индивида и сообщества изначально является однонаправленной – от социума к индивиду, от целого к частному.

Долгое время носителями ответственности в человеческих сообществах была в основном элитная часть общества – монархи, жрецы, военачальники и т. д. Но по мере увеличения населения ответственность выступает основным условием социального взаимодействия между индивидами. История представляет собой процесс эмансипации человека. Увеличение степени свободы неотделимо от роста степени ответственности.

Принадлежность к той или иной общности в начале развития человечества не вопрос свободного выбора. В рамках традиционного общества человек рождался в заранее определенных социальных кругах. Его социальный статус и общественная роль наследовались, а не были результатом его целенаправленных усилий. Традиция, социальный статус, обычай определяли все жизненное устройство от рождения до смерти. Индивидуальная ответственность значительно уступала ответственности коллективной. За вину одного человека ответственным может быть весь его род.

Ответственность в древнем обществе предполагала наличие отдельного индивида и была обращена к нему, однако срабатывала она благодаря тому, что человек выступал персонификацией силы рода. Его добродетель – это добродетель коллектива, сообщества, племени. Нарушение любых норм и поведенческих правил членом рода предусматривало ответственность не отдельной личности, а рода в целом. Такое нарушение влекло за собой серьезные наказания вплоть до изгнания из рода. Контроль за соблюдением традиции постепенно закреплялся за группой старейшин, которые были носителями и хранителями коллективного опыта. Поэтому «мораль здесь – не столько признак индивида, который обусловлен его личностными качествами и выражается в его поступках, сколько качество, присущее его семье, роду, социальному слою, – так

же как и права и обязанности» [3, с. 136]. Следствием является то, что высшим слоям общества от «природы» присущи высшие добродетели (аристократии – благородство, честность, мужественность и смелость). Люди «низшего происхождения» характеризуются противоположным образом. Моральные признаки в традиционных обществах «наследуются» подобно физиологическим качествам. Понятно, что в этих условиях социальная ответственность является односторонней, она еще не предполагает личного выбора, который сопровождается риском неопределенности. Здесь социальная ответственность не свободный выбор – она предписание.

В процессе дальнейшего исторического развития формируются разнообразные социальные связи, влияющие на виды деятельности, что сказывается на изменении характера ответственности. Так, М. Вебер в своих работах отмечал, что устойчивые связи социальных действий фиксируются в социальных отношениях. Человек как социальное существо вынужден действовать в определенном социально-культурном контексте. Этот контекст накладывает на личность обязательства, которые определяют границы ее самости. Однако автономность человека является необходимым фактором становления феномена «ответственность» (рождение гражданина полиса и ответственности за свои поступки морального индивида совпадает во времени). Ответственность оказывается необходимым моментом становления человека как самоценности и субъекта истории. Главным отличием нового мировоззренческого принципа, который появляется в это время, было признание отдельного человека ответственным существом. Возникает новая этика – «это этика индивидуальной ответственности в отличие от древней этики родовой традиции или этики законничества, которая была порождена первыми цивилизациями» [5, с. 71–72]. Человеческая жизнедеятельность с этого момента разворачивается в непосредственном соотношении с самосознанием. Зато традиция перестает быть доминирующей детерминантой существования.

Со времен античности вопрос ответственности соотносят с определением сущностных измерений человеческого бытия. Так, софисты, переходя от изучения «натуры» к человеку как меры всех вещей, сразу наталкиваются на необходимость определения границ ответственности и вины человека. Можно утверждать, что именно насущная необходимость «знать, в чем может заключаться вина человека и за что несет ответственность, заставила философов непосредственно задуматься над тем, что такое человек и как ему стать совершенным, добродетельным» [4, с. 86].

Итак, в эпоху античности были заложены основные принципы, которые делали возможным ответственное существование человека. Прежде всего, это рациональное поведение, автономность и публичность. В дальнейшем осмысления феномена «социальная ответственность» будет отталкиваться именно от достижений древнегреческой философии.

Но в то же время докапиталистический тип общества представлял собой совокупность «локальных сообществ». Ответственность здесь была ограничена рамками сообщества. Так, в рабовладельческом обществе мера ответственности отличается в зависимости от того положения, которое индивид занимает в социальной иерархии. Если же говорить о рабах и рабовладельцах, то бессмысленно рассуждать об ответственности перед рабами. Не может идти речи об ответственности гражданина полиса перед «вещью, которая разговаривает» (Аристотель). Так же важно, кто выступает инстанцией ответственности и ответственным: «эллин» или «варвар». Так что для традиционного общества, которому присущ воспроизводящий способ производства, социальная ответственность ограничивается рамками непосредственных (личных) связей.

«Локальное сообщество» разрушается при переходе от домашнего хозяйства ко всеобщему торговому хозяйству. Этот процесс непосредственно взаимосвязан с переходом от земледелия к промышленному производству. Развитие товарно-денежного обмена приводит к господству таких социальных отношений, которые разрывают кровные (племенные связи). На данном этапе социальная ответственность постепенно перестает быть локальной. «Ведь если хозяин дома, крестьянин или житель города, лицом обычно обращен к сокровенному центру того места, той общности, к которой он принадлежит, то торговый класс, наоборот, направлен наружу...», – писал по этому поводу Ф. Теннис [10, с. 86]. В силу этих соображений становится понятно, что трансформация способов производства и основанных на них общественных отношений детерминирует развитие содержания и формы социальной ответственности.

Такой переход от домашнего хозяйства ко всеобщему торговому хозяйству сопровождается изменением способов деятельности людей, направленных на удовлетворение их потребностей. Необходимо отметить, что и сами потребности трансформируются при смене исторических типов общества. В результате перехода от природно обусловленного существования к собственно социальному человечество вынуждено производить соответствующие культурные (идеально-ценностные), а не природно-инстинктивные регулятивы кол-

лективной жизни. Такие регулятивы формируются в процессе жизнедеятельности человека и являются «позаинстинктивным управлением человеческой деятельностью» [6, с. 205].

В результате этого возникает культура как опыт и регулятор человеческой деятельности. Именно активность социального субъекта, направленная на преобразование окружающего мира и превращение его во «вторую природу», является не чем иным, как культурой. Предметное бытие культуры – это одновременно и мир взаимодействия социальных субъектов, а значит мир практического общения людей. Именно свойственная социальному действию направленность на «другого» предопределяет становление феномена «социальная ответственность» как необходимого регулятива совместной жизнедеятельности человека. То есть «социальная ответственность» является соотношением идеального образа будущей деятельности с тем социальным контекстом, в котором она будет разворачиваться. Вследствие того, что человек как социальное существо способен выживать и приспосабливать окружающий мир в соответствии со своими потребностями только в пределах и с помощью «коллективного тела», он «проектирует» свою деятельность не только на внешний мир объектов, но и на «мир субъектов» и всегда принимает во внимание их возможный ответ на свои действия. В этом смысле социальное действие всегда в определенной мере ответственное действие.

Докапиталистический тип общества представляет собой совокупность «локальных сообществ». Ответственность здесь ограничена рамками сообщества. Итак, для традиционного общества, которому присущ воспроизводящий способ производства, социальная ответственность ограничивается рамками непосредственных (личных) связей.

Специфика социальной ответственности состоит в том, что она требует универсализации своих положений. В силу этого ее «локализация» пределами сообщества противоречит сущности этого феномена. Ограниченные социальные связи порождают ограниченные, локальные ценностно-нормативные представления.

Общественные отношения разворачиваются в системе координат социального времени и пространства. По мнению Канта, время и пространство являются необходимым условием для возможности человеческого опыта [7, с. 65–67]. Локальные миры традиционных сообществ оперируют такими же «локальными» системами времени и пространства. Так, время в докапиталистическую эпоху всегда оставалось локальным. Не было единой меры времени, которая бы охватывала собой большие территории или государства в целом. «Партикуляризм общественной жизни проявлялся

и в системах отсчета времени» [3, с. 131]. Понятно, что «местное время» разделяло «коллективное тело». Социальный контроль в этих условиях имел непосредственный и эмоциональный характер. Унификация времени требует унификации норм социального контроля. Это становится возможным с возникновением крупных государств, когда общегосударственное время стало средством объединения и усиления связей [3, с. 131].

Новый тип социальных отношений выходит за пределы небольших территорий. Товарно-денежный обмен всегда стремится охватить пространство побольше, поэтому чем больше государство, тем быстрее в нем начинают господствовать отношения «общества», «тем более всеобщим и свободным становится обмен и тем вероятнее, что в нем получают силу чистые законы обменной связи, а те качества, которыми люди и вещи обладают по отношению друг к другу вне его, наоборот, отмирают» [10, с. 86–87].

Необходимым условием формирования социальной ответственности является целерациональное мышление. Оно, по мнению М. Вебера, является достоянием «капиталистического общества». Подобный тип мышления развивается исключительно на стороне атомизованого и свободного субъекта. Активность такого атомизованого субъекта выступает не столько созданием, сколько присвоением. «Отношения присвоения» распространяются на других людей и на мир в целом. Основанное на них человеческое сосуществование руководствуется стремлением овладеть природой и социальным окружением.

Необходимо подчеркнуть, что в ситуации стремления каждого удовлетворить свой частный интерес возникает необходимость согласовывать действия с «Другим», руководствуясь исключительно своими интересами. Ограничение произвола индивидуумов является необходимым условием достижения каждым своего интереса. Для этого человеку необходимо овладеть способностью «подниматься» над деятельностью, направлять внимание на преобразование способов своей деятельности для эффективного достижения поставленной цели. А это не что иное, как способность рационально мыслить.

Таким образом, формирование индивидуальной социальной ответственности было обусловлено переходом от домашнего к всеобщему торговому хозяйству, что сопровождалось изменением способов деятельности людей. Ответственность в докапиталистическом обществе была ограничена рамками «локальных сообществ», непосредственных связей и носила коллективный характер. Формирование индивидуальной ответственности

зарождается в период античности, однако не развивается в полной мере, ограниченное рамками рабовладения. И только капиталистическое общество, формируя «целерациональное мышление», переводит ответственность в индивидуальную плоскость.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бех, В.П. Морфология соціального світу: монографія / В.П. Бех. – Київ; Мюнхен: Вид-во НПУ імені Н.П. Драгоманова, 2011. – 759 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
3. Гуревич, П.С. Категории средневековой культуры / П.С. Гуревич // Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 560 с.
4. Гусейнов, А.А. Античная этика / А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2003. – 270 с.
5. Доброхотов, А.Л. Эпохи европейского нравственного самосознания / А.Л. Доброхотов // Этическая мысль. Вып. 1. – 2000. – С. 70–86.

6. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
7. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Сочинения. В 8 т. Т. 3. – М.: Чора, 1994. – 741 с.
8. Козловски, П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловский; пер. с нем. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
9. Соловьев, Э.Ю. От обязанности к призванию, от призвания к праву / Э.Ю. Соловьев // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
10. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.

#### SUMMARY

*The article deals with the problem of formation of social responsibility in the context of social, historical and cultural genesis of the society. Special consideration is given to the problems of correlation of collective and personal responsibility.*

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

УДК [316.334.22:331.556](476)

**А.И. Амбражевич,**  
научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси

## ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РОССИЮ

Создание Союзного государства Беларуси и России, развитие двусторонних связей, формирование единого экономического пространства в рамках Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана привело к открытию границ и, как следствие, свободному перемещению мигрантов. Население Беларуси активно участвует в процессах международной трудовой миграции, о чем свидетельствуют результаты анализа статистических данных, социологических исследований, республиканского социологического мониторинга. Республика теряет трудовые ресурсы, которые восполняют дефицит в соседних странах. В 70 % случаев страной приема трудовых мигрантов становится Россия.

**Общая статистика международной миграции.** Согласно официальным статистическим данным, общий объем международной миграции в 2012 г. в Беларуси составлял 26,7 тыс. чел. В прошлом году в республику прибыло 18040 чел., выбыло из республики 8712 чел. [1]. Таким образом, положительное сальдо сложилось на уровне – 9328 чел. При этом численность лиц, выехавших из Беларуси для работы на основе подписания контрактов и договоров, составляла 6534 чел. [2].

Сохранилась положительная для страны динамика и в 2013 г. Миграционный прирост в январе–сентябре 2013 г. составил 7 869 чел. [3]. Направления миграционных перемещений населения республики характеризуются данными таблицы 1 [4].

**Таблица 1 – Направления миграционных потоков в Беларуси (чел.)**

	2012 г.		I квартал 2013 г.		Справочно I квартал 2012 г.	
	число прибывших	число выбывших	число прибывших	число выбывших	число прибывших	число выбывших
Международная миграция	18040	8712	4220	1802	3933	2266
в том числе:						
со странами СНГ	13455	6509	3406	1213	3189	1759
с другими странами	4585	2203	814	571	744	507

Источник: Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–мае 2013 г. [Электронный ресурс]. – Минск, 2013. – Режим доступа: [http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013\\_5.php](http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/doclad/2013_5.php). – Дата доступа: 20.06.2013.